

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

С.А. ДРОБЫШЕВСКИЙ

Прогресс государства и право в свете идей классиков политической мысли

В статье рассматриваются воззрения классиков политической мысли о закономерностях развития государства и права, о системе прав и свобод человека, о возможности создания модели мирового государства для достижения более высокой стадии социального прогресса.

Ключевые слова: политико-правовые исследования, демократия, права и свободы, мировое государство.

In article views of classics of political thought on laws of development of the state and the right, about system of the rights and freedom of the person, about possibility of creation of model of the world state for achievement of higher stage of social progress are considered.

Keywords: politiko-legal researches, democracy, the rights and freedom, the world state.

Государство всегда представляет собой человеческое общество на определенной территории, не зависимое от подобных ему социальных образований. Поэтому закономерности, обязательно присущие любой государственной организации, включают принципы жизни общества, при отступлении от которых оно погибает.

Если члены общества отказываются от совместной деятельности, а государство не берет на себя функции организации и координации такой деятельности, то в ближайшей перспективе его ждет регресс и гибель. В частности, прервутся общественные усилия по воспитанию и образованию подрастающего поколения, по лечению больных и материальной поддержке нетрудоспособных. Кроме того, общество в границах государства не сможет воспроизводить себя физически, обеспечивая рождение людей, восполняющих естественные потери населения в результате смерти от старости, болезней и т.д.

Закономерно возникает вопрос: каким образом возможно создать в стране условия для высококачественной производственной и иной деятельности всех составляющих сообщества людей? Ответ очевиден: чтобы человек был способен оказывать остальным участникам государственного общежития разного рода услуги высокого качества, он должен иметь материальные средства, позволяющие не только получать прекрасные

воспитание и образование, обладать здоровьем и хорошей физической подготовкой, но и поддерживать и улучшать приобретенные знания, умения, навыки и состояние собственного тела в течение своей жизни.

Если у индивидуума нет достаточных ресурсов, скажем, финансовых, для реализации всего перечисленного, то предоставлять согражданам высококачественные результаты производственной и иной деятельности он не сможет. Следовательно, гражданин не может жить хорошо (то есть пользоваться превосходными продуктами трудовых и других усилий участников государственного общежития), когда его партнеры по такому взаимодействию живут плохо, не способны из-за своих неудовлетворительных материальных условий существования к совершенным формам человеческой активности, ибо не приобрели нужных для этого качеств [Дробышевский, 2004].

Таким образом, для обеспечения наибольшего прогресса любого государства надлежит сделать следующее: во-первых, всячески способствовать приобретению членами социального организма всего необходимого для высококачественной трудовой и иной деятельности; во-вторых, когда у индивидуумов есть условия для эффективной работы и выполнения других функций, но они не хотят этого, нужно убеждать или, в крайнем случае, принуждать их преодолевать такое нежелание. Реализация поставленных задач определяется тем, насколько правящий и управляемый классы в государстве оказываются способными совершенствовать собственное существование. Как известно, классики политико-правовой мысли установили основные направления подобного развития. В соответствии с их воззрениями, в политически организованном обществе высшее достоинство формы правления заключается в создании условий для совершенствования составляющих индивидов в умственном, нравственном, волевом и практическом отношениях [Дробышевский, 1999].

Однако в этом деле роли правящего и управляемого классов не идентичны. Подчиненные быстро совершенствуются в отмеченных направлениях только тогда, когда управляющие развиваются аналогичным образом, подавая пример правильного поведения [Дробышевский, 1999]. Когда же правящие ведут себя иначе, приказы и увещания системы государственных органов совершенствоваться, адресованные подвластным, во многом остаются пустым звуком.

По свидетельству Ксенофонта, Сократ наставлял своих учеников, что годными к политической власти следует признавать лишь людей, воздержанных в удовольствиях. Тех же лиц, кому это не свойственно, по мнению Сократа, к государственной власти допускать нельзя [Ксенофонт, 1935]. Другой древнегреческий мыслитель – Полибий – объяснил, почему приведенная сократовская идея правильна. Как он писал, государство оказывается в упадке, когда его правители решают, “что им надлежит отличаться от подданных необыкновенным одеянием, что они должны иметь более изысканный стол и лучшую обстановку, что, наконец, половыми отношениями и любовным сожительством они могут пользоваться невозбранно, хотя бы и сверх меры” [Полибий, 1895, с. 12].

Наибольшему же прогрессу государства, скорее всего, соответствует иной стиль поведения правящего класса. Его суть в изложении Ксенофонта такова: члены господствующей в государстве группировки должны “отличаться от подчиненных не роскошным образом жизни, а трудолюбием и умением предвидеть события”. Причем везде политические руководители обязаны быть первыми в труде и в перенесении лишений [Ксенофонт, 1977, с. 27, 32].

Аналогичным образом высказывался о правильном стиле поведения правящего класса и Ш. Монтескье. По его мнению, в государстве, устроенном надлежащим образом, во все времена обязательно действует правило: “...законы должны обуздывать высокомерие тех, кому принадлежит господство”. И, следуя этой норме, правящий класс призван стараться ничем не отличать себя от управляемого класса, например, в одежде, а также допускать подчиненных к участию в своих удовольствиях [Монтескье, 1955, с. 206, 204].

Правильному образу жизни правящего класса в государстве, по-видимому, при-суща еще одна черта. А именно, межклассовые различия в образовании, верованиях, мнениях и обычаях должны быть сведены к минимуму, обусловленному спецификой профессиональных обязанностей конкретных людей. Дело в том, что при глубоких отличиях такого рода, как и при ранее указанных характеристиках неправильного образа жизни правящего класса, его членов ожидает изоляция от класса управляемого [Mosca, 1939].

Подобное положение чревато рядом негативных последствий для господствующей в обществе группировки. Их в свое время описал Г. Моска. Например, в условиях изоляции управляемый класс подчиняется правящему и, естественно, государственному аппарату хуже, чем при ее отсутствии. Вдобавок изолированный управляемый класс формирует в своей среде руководителей, которые часто проявляют враждебность к социальным слоям, контролирующим законное правительство, и стремятся стать на их место [Дробышевский, 1999, с. 346].

В обсуждаемом круге идей, скорее всего, должны быть выделены два идеала. Один из них – теоретическая модель превращения населения страны в коллектив профессионалов высшего мирового уровня во всех сферах специализированной человеческой деятельности, здоровых, образованных и высококультурных людей. В этом эталоне отражена максимальная степень прогрессивного развития, достижимая в государственной организации, являющейся членом международного сообщества подобных структур. Причем сам идеал со временем достигает все более высокой стадии социального прогресса по мере того, как совершенствуется существующая в мире совокупность государств.

Соревнование между суверенными политическими объединениями неизбежно приведет их к взаимному общению. И эта тенденция, развиваясь, способна привести в будущем к созданию мирового государства, регулирующего собственной системой юридических норм со всемирной сферой действия поведение человечества как целостности. Обоснованная аргументация в пользу такой перспективы политико-правовой эволюции содержится в научной литературе по юриспруденции (см., например, [Еллинек, 1908; Дробышевский, 1995; 2009]).

Второй идеал – мировое государство, ибо в мировой государственной организации есть шансы достичь более высокой стадии социального прогресса, а потому и лучшей жизни людей, по сравнению с возможностями модели первого идеала. В самом деле, в государстве прогрессивное развитие предполагает расширение системы удовлетворения потребностей населения. Она же в суверенном политическом объединении обогащается с усложнением разделения и кооперации трудовой и иной деятельности его членов. И обычной предпосылкой таких изменений становится увеличение количества участников анализируемого общения. Но только мировое государство охватывает всех индивидов. Вот почему оно, по сравнению с суверенными политическими сообществами, способно создать более дифференцированную систему разделения и кооперации взаимодействия людей. Не случайно именно в мировом государстве возможно реализовать принцип, недостижимый в иных: деятельность каждого лица обслуживает нужды остального человечества и, наоборот, любой индивидуум пользуется продуктами усилий всех других разумных обитателей Земного шара.

Разумеется, взаимодействие между суверенными политическими объединениями, и в первую очередь – международная торговля, с древнейших времен дают возможность отдельному члену коллектива употреблять в собственных целях результаты деятельности индивидов других сообществ. Однако наличие государственных границ и вытекающие отсюда разнообразные ограничения человеческого общения мешают любой из контактирующих стран обеспечить возможность всякому живущему в ней лицу использовать итоги деятельности остальных людей на Земле в обмен на его собственную продукцию.

Создание мирового государства как политической формы, увеличивающей степень господства населения планеты над собственной и внешней природой, не озна-

чает прекращения социального прогресса. Напротив, рассматриваемая модель такого сообщества предполагает, подобно ранее выделенному эталону, как можно большее существование всех индивидов в отношении их профессионализма, здоровья, физического развития, образованности и культуры.

Возможности мирового государства по обеспечению общественного прогресса позволяют понять, почему об этой ассоциации как о цели населения Земли писали известные ученые. Здесь уместно вспомнить, скажем, приверженца либеральных воззрений Г. Кельзена [Kelsen, 1970]. Но и основоположники марксизма подчеркивали, что в грядущем всечеловеческом общественном объединении, которое, с их точки зрения, не будет иметь характера государственной организации, достигается более высокий уровень прогрессивного развития, чем в предшествующих государствах [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 35–36, 68–69; т. 4, с. 334, 335, 447; т. 20, с. 183, 292, 676; т. 21, с. 173–176].

Для достижения двух отмеченных идеалов в конкретном суверенном политическом сообществе требуется выработка индивидуальной именно для него модели быстрого прогрессивного развития, воплощающейся в праве рассматриваемой страны. По крайней мере, само своеобразие человеческого коллектива, не говоря уже об уникальности окружающей его природной среды, делает необходимым для этих людей специфические преобразования с целью реализации выделенных эталонов, общих для всех государств. Приведенное положение также следует включить в круг идей, размышления над которыми дают возможность сформулировать юридические нормы для государства, желающего добиться максимального прогресса. Но в упомянутой совокупности доктринальных материалов необходимо наличие и еще нескольких научных представлений.

Прежде всего в государстве обычно невозможно эффективно провести социальные преобразования и надолго сохранить их результаты, если большое число людей этому противятся. Государственный аппарат в состоянии действительно принудить лишь часть населения при условии, что значительные по количеству общественные слои поддерживают – хотя бы молчаливо – такую политику [Hart, 1961; Ehrlich, 1936].

Затем, как писал, например, Г. Еллинек, в каждом из развитых государств начала XX столетия в итоге долгого социального прогресса достигнуто примерное равенство между численностью подданных и власть имущих. В результате по отношению к государственной власти взрослые здравомыслящие люди, как правило, одновременно выступают в двух ролях – подчиненных и властителей. В предшествовавшие же исторические периоды зачастую даже в передовом по тем временам государстве властвующих было меньше, чем подданных [Еллинек, 1908].

В государстве существует определенная юридически закрепленная система прав и свобод человека, развившаяся исторически как результат общественного прогресса [Малевич, 2004; Дробышевский, Протопопова, 2009]. Когда ставится задача обеспечить продолжение и ускорение этого процесса, упомянутую систему следует не только сохранять, но и расширять.

Конечно, может возникнуть сомнение, связано ли обогащение прав и свобод человека в стране с происходящим прогрессом прямо пропорциональной зависимостью. Однако оно необоснованно. В самом деле, усложнение по мере прогрессивного развития государства функционирующих в нем двух систем – разделения и кооперации деятельности людей и удовлетворяемых потребностей личности – осуществляется в ходе нормативного регулирования поведения, в том числе общеобязательного воздействия на него со стороны суверенной власти. И процессы формулирования и реализации правил включают увеличение суммы признаваемых в стране прав и свобод человека – как неюридических, так и правовых. Естественно поэтому, что без такого роста не обойтись ни одной стране, стремящейся к максимальному прогрессу.

Итак, отмеченные общие для всех государств идеалы в каждом из этих сообществ следует достигать на пути создания или развития демократии, а также широкой системы юридически закрепленных прав и свобод человека. И здесь возникает проблема, каким образом по указанному пути продвигаться максимально быстро.

Прежде всего необходимо осмыслить предлагаемые либеральной традицией политико-правовых исследований две теоретические позиции о надлежащей организации государства. Одна изложена, в частности, Ш. Монтескье, Т. Джефферсоном и Л. Дюги. Как писал первый из них: “В свободной стране очень часто бывает безразлично, хорошо или дурно рассуждают люди. Важно лишь, чтобы они рассуждали, так как это порождает свободу, которая обеспечивает от дурных последствий этих рассуждений” [Монтескье, 1955, с. 431]. Иными словами, с точки зрения Монтескье, когда народу предлагают выбрать между верной и ошибочной идеями, в том числе и относительно благоприятствования социальному прогрессу, люди обычно оказываются достаточно разумными, чтобы следовать правильному представлению.

Подобные идеи излагал и Джефферсон. Согласно его воззрениям, “в любой стране, где человек свободен мыслить и говорить, различия во мнениях происходят из-за различий в восприятии и несовершенства человеческого разума. Но эти различия, когда они свободно допускаются, очищают сами себя в свободной дискуссии и становятся чем-то вроде облаков, плывущих по небу над нашей землей, после которых мы видим наши горизонты еще ярче, еще яснее”. Причем, согласно взглядам Джефферсона, “истина восторжествует, если будет предоставлена своим собственным силам... она сама является надлежащим и достойным противником заблуждения и не следует опасаться за исход их столкновения до тех пор, пока людское вмешательство не лишит истину ее естественного оружия – свободы доводов и дискуссий: заблуждения перестают быть опасными, когда разрешается свободно им возражать”. Так что “лишь одно заблуждение нуждается в поддержке правительства. Истина способна стоять сама по себе” [Джефферсон, 1992, с. 69, 200, 195]. Исходя из обоснованности приведенных суждений, Дюги пришел к выводу: государство не должно иметь собственной идеологии. Ему надлежит “все доктрины уважать и все их охранять” [Дюги, 1908, с. 799–800].

Другая теоретическая позиция о должной организации государства в рамках либеральной традиции политико-правовых исследований сводится к следующему. Народ в обстановке свободы и демократии при выборе между правильным и неверным путями решения конкретного вопроса с точки зрения обеспечения общего блага, в том числе и максимального социального прогресса, весьма часто станет поступать вполне определенным образом. Он будет предпочитать ошибочную дорогу [Федералист, 1993; Милль, 1907].

Вот почему профессиональные политики и юристы, определяющие работу системы государственных органов, призваны посредством комплекса специальных мер помогать народным массам при самостоятельном принятии ими решений в подобного рода ситуациях. И цель такого содействия – удержать народ от ошибок, при этом оставляя неизблемым демократический строй и всемерно способствуя реализации широкой системы прав и свобод населения государства [Федералист, 1993; Милль, 1907].

Например, Д. Мэдисон полагал, что большинство простых людей станут принимать меньше неверных решений в пределах крупной по территории страны с большим количеством граждан и с представительным правлением, характеризующимся разделением властей, чем в условиях непосредственной демократии, распространяющейся на узкий круг индивидуумов и малое пространство (см. [Федералист, 1993]). По мнению же Д.С. Милля, указанные меры во многих случаях не приводят к положению, когда народ не совершает значительных ошибок. Для достижения такого результата требуется организовать в государстве систему правления, названную им “чистой демократией” [Милль, 1907, с. 127], которая коренным образом отличается от содержания термина, приведенного Мэдисоном (см. [Федералист, 1993, с. 83]).

При сравнении суждений Монтескье, Джефферсона и Дюги, с одной стороны, с воззрениями Мэдисона и Милля – с другой, прежде всего бросаются в глаза черты, общие для обеих теоретических позиций. Сюда относятся создание возможностей для социального прогресса, идеологический плюрализм, то есть отсутствие в стране официальной государственной доктрины в виде системы взглядов, обязательной для насе-

ления. (В частности, в п. 2 ст. 13 Конституции РФ закреплено: “Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной”.)

Однако между этими теоретическими позициями существуют и различия. Так, нельзя не заметить, что научная платформа, приверженцами которой являются Мэдисон и Милль, дает лучшие шансы для социального прогресса. Согласно ей, от имени государства осуществляются специальные программы, призванные помочь народу принимать самостоятельные решения в интересах усиления господства над собственной и внешней природой. При теоретическом же подходе Монтестье, Джефферсона и Дюги профессионалы, определяющие политику государственных органов, отказываются от содействия народным массам в принятии решений.

Отсюда следует вполне определенный вывод о возможности сформулировать юридические нормы для страны, желающей добиться наибольшего прогресса. Этому способствует именно научная платформа о должной организации государства, изложенная, в частности, Мэдисоном и Миллем. Они предлагают конструирование применительно к специфике всякого конкретного государства уникального для него комплекса мер, позволяющего народу принимать правильные решения для усиления господства над собственной и внешней природой. Эта специальная программа может служить научной базой для формулирования норм права.

Безусловно, от приведенных суждений до воплощения их в юридических правилах любого конкретного государства нужно пройти огромный путь. Однако без идей, которые должны быть положены в основу права, создание правового государства невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гоббс Т.* Избр. произв. Т. 2. М., 1964.
Джефферсон Т. О демократии. СПб., 1992.
Дробышевский С.А. Классические теоретические представления о государстве, праве и политике. Красноярск, 1999.
Дробышевский С.А. О стиле жизни правящего класса в государстве: классические идеи и современность // Конституция и правовая реформа в России. Барнаул, 2004.
Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск, 1995.
Дробышевский С.А. О будущем политической организации общества и права // Право и глобализация: проблемы теории и истории. СПб., 2009.
Дробышевский С.А., Протопопова Т.В. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве. Красноярск, 2009.
Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908.
Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908.
Ксенофонт. Киропедия. М., 1977.
Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М.–Л., 1935.
Малевич Ю.И. Права человека в глобальном мире. М., 2004.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3, 4, 20, 21.
Милль Д.С. Представительное правление. СПб., 1907.
Монтестье Ш. Избр. произв. М., 1955.
Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Кн. 2. М., 1895.
Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. М., 1993.
Ehrlich E. Fundamental Principles of the Sociology of Law. Cambridge (Mass.), 1936.
Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford, 1961.
Kelsen H. The Pure Theory of Law. Berkeley, 1970.
Mosca G. The Ruling Class. New York, 1939.